

Из истории изучения ТОМСКИХ ПИСАНИЦ

Знакомство с архивными материалами и опубликованными источниками показало, что исследование писаниц на Томи имеет свою богатую и очень интересную историю. Скала, за которой прочно закрепилось название Томская писаница, на протяжении почти трехсот лет приковывала к себе внимание ученых. Смело можно сказать, что ни одна другая сибирская писаница не имеет столь богатой истории исследования, истоки которой восходят к началу освоения Сибири русским народом в XVII в.—к тому далекому времени, когда огромный край, „страна полунощная“, населенная „языцами разными“, соприкоснувшись с Россией, начала пробуждаться от первобытного оцепенения. Первооткрывателями огромного края, его богатых недр и памятников духовной культуры были простые русские люди, названные метким и благородным словом — землепроходцы. Они проложили первые тропы цивилизации по бескрайним просторам огромной, полной загадочности страны, протянувшейся от Уральских гор до берегов Тихого океана. Один из отважных русских путешественников проложил первую тропу и к подножию Томской писаницы. Она его поразила своим необычным видом, обилием загадочных рисунков. Сам землепроходец, к сожалению, так и остался неизвестен, но сохранились его полные восхищения увиденным записи: „Не дошед острогу, — писал он (вероятно, имеется в виду выстроенный в 1675 г. Верхотомский острог), — на краи реки Томи, лежит камень велик и высок, а на нем написано: звери и скоты, и птицы и всякие подобия...“ Очевидно, переселенец был любознательным и не лишенным фантазии человеком. Воображение его было настолько богатым, что он свободно представил себе, как камень изрисован внутри. По этому поводу он писал в своих записках: „...а егда по некоторому прилучаю отторжется камень, а внутри того писано якоже и на краи“¹. В сведениях этого землепроходца, как мы видим, больше восторженного и фантастического, чем действительного. Но замечательно другое: простые русские люди, попав в страну „неведомую“, наряду со сбором сведений о ее недрах, лесных

богатствах, землях и пушном звере, проявили живой интерес и к писаницам, которые, конечно, не могли дать им никакой практической выгоды. Это не случайно. Землепроходцы, тянувшиеся в Сибирь из разных концов Европейской России, шли сюда как хозяева этой страны, несли цивилизацию народам, затерянным в степях и лесах этого колоссального края.

Настоящий научный интерес к этому памятнику возник несколько позже, уже в XVIII в. В 1719 г. в Сибирь по именному указу Петра I был направлен доктор Д.Г. Мессершмидт². Хотя изучение истории не было основной задачей его путешествия, тем не менее в его работах большое место заняло изучение археологических памятников Сибири. Маршрут его путешествия пролегал и по берегам Томи. Однако Томскую писаницу по неизвестной нам причине ему не удалось осмотреть. Внимание исследователя привлекли изображения у Красноярска, на Бирюсе, и на могильных камнях в Минусинских степях³. Писаный камень на Томи удалось обследовать другому участнику этой же экспедиции. Около года — с марта 1721 г. по май 1722 г. — в экспедиции Мессершмидта принимал участие пленный шведский капитан Филипп Иоганн Табберт, незадачливый участник Полтавской битвы. Попав в плен, он был сослан в Тобольск и занялся там историко-географическим изучением Сибири. Возвратившись в Швецию, он получил дворянский титул и новую фамилию — Страленберг. Страленберг по заданию Мессершмидта самостоятельно обследовал Обь и Томь от Томска до Кузнецка; отсюда он приехал в Абакан, где и встретился с Мессершмидтом⁴. Страленберг уделил много внимания Писаному камню на Томи. Возвратившись на родину, он подготовил и издал в 1730 г. в Стокгольме свое сочинение „Описание северной и восточной части Европы и Азии“⁵. В этой книге впервые в истории, почти двести пятьдесят лет назад, были опубликованы рисунки Томской писаницы⁶. Известно, что вместе со Страленбергом в качестве художника по Сибири путешествовал шведский мальчик Карл Шульман. Возможно, что рисунок Писаного камня сделан этим шведским мальчиком, оказавшимся волею судьбы так далеко от своей родины. Скала с рисунками между Томском и Кузнецком поразила Страленберга. Однако он не мог понять этого памятника и оказался в плену своих представлений о древних писаницах. Он, например, считал, что рисунки эти иероглифического происхождения и видел в них знаки какой-то неизвестной письменности, родственной рунической письменности древней Скандинавии. Убеждения Страленберга наложили отпечаток и на воспроизведенный им рисунок. К сожалению, он не является точной копией этого замечательного памятника; в нем переданы только лишь самые общие очертания скал и размещение рисунков. Тем не менее ценность этого первого рисунка огромна. На нем мы видим изображения, которым не суждено было сохраниться до наших дней. Среди них особый интерес представляет фигура человека в центре нижнего камня с круглой головой и отходящими от нее лучами и расставленными в стороны руками.

Труд Страленберга получил широкую известность в России, а маршрут его путешествия и путешествия Мессершмидта был потом не однажды повторен позднейшими экспедициями.

Дальнейшее исследование ставшей теперь уже известной Томской писаницы связано с именем известного русского историка В.Н. Татищева, автора пятитомной „Истории Российской“ и многих сочинений по географии. Сам Татищев, вероятно, не был на Томской писанице. Но, организуя работу по составлению карт, описаний и чертежей „курьезных мест“, он в 1735 г. послал к подножию писаных скал на Томи геодезиста В. Шишкова с заданием, „чтоб старался о древностях обстоятельно увидеть, описать и где возможно ознаменовать“⁷. Следуя наставлениям своего учителя, Шишков посетил Писаный камень и описал его. Геодезист был верен инструкции и со скрупулезной точностью описал расположение писаницы: „Камень на реке Томи ниже уровня речки Писаной вниз по правую сторону в 300 сажнях. Камень серый, крепкий, на котором начерчено разных фигур, а именно: вверху два болвана — подобие человеку, под ними схоже

мало на льва. Оный лев ухватил одного болвана за ногу. Также довольно начерчено зверей разных, лосей, оленей, коз: оные видно, что выбито и вырезано... По тому камню вытекает речка также название имеет и слышно у того камня от идолопоклонников прежде принашивалась жертва"⁸. Эти сведения с легким налетом фантазии и своеобразного понимания рисунка (в особенности в том месте, где речь идет о льве), но в общем правильные, естественно, развивали интерес к этому загадочному памятнику. Сведения были доставлены в Самару Татищеву и использованы им.

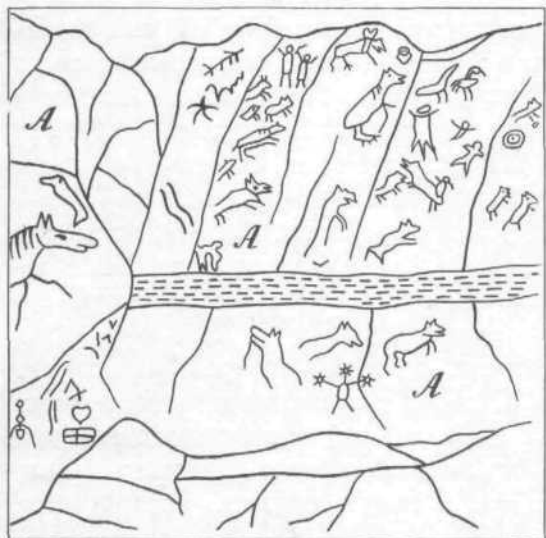
Целую эпоху исследования Сибири, в которой свое достойное место обрело изучение интересующей нас Томской писаницы, составили академические экспедиции XVIII в. Полосу экспедиционного изучения открыла грандиозная по масштабам Северная экспедиция Российской Академии наук, предпринятая в 1733—1743 гг. В составе сибирского отряда экспедиции были историк Г. Ф. Миллер, натуралист И. Г. Гмелин, Я. Линденау и С. П. Крашенинников. Позже к ним присоединился еще Г. В. Стеллер. В 1733 г. участники экспедиции выехали из Петербурга. Их путь лежал на Тюмень, Тобольск, вверх по Иртышу, по Кольванским горам, а далее по Оби в Кузнецк и вниз по Томи — в Томск, а оттуда в Енисейск и на Восток, по бескрайним просторам Сибири, до самого края земли Русской — так описывает маршрут один из участников экспедиции С. П. Крашенинников, которому предстояло самое длительное путешествие — в овеванную туманными легендами, лежащую на краю света Камчатку⁹.

Перед учеными лежала огромная и суровая страна, освоение которой только что началось, где каждый шаг пути сулил открытия. Один из участников этой экспедиции потом восторженно писал о Сибири: „Мы попали в цветной рай еще неизвестных трав, в зверинец, где собрались редкие звери Азии, в антикварный кабинет языческих могил, где хранились достопримечательности, словом, мы попали в область, которая еще не была исследована учеными“¹⁰.

Томская писаница в 1735 г. приковала внимание всех участников этой экспедиции; интересно, что сведения о ней содержатся в трудах каждого из ученых. Степан Крашенинников, самый молодой по званию и, видимо, по годам, вел дневник путешествия, куда записывал все, что представляло, с его точки зрения, интерес, и реестр по всем деревням, встречавшимся на их пути, с указанием расстояния. Вот что было записано в этом дневнике под 2 октября 1735 г.: „Того же дня, из Верхнетомского острогу поехавши, следующие деревни проехали: Балахну речку и деревню, Глубокую речку и деревню и, приехавши до Писаного камня, пристали. Томь — река, которая больше на север на страну меж севером и западом течет, здесь почти на запад течение имеет. Камень с нарисованными фигурами к реке стоит. Вышина его около десяти сажень. Нижнее камня место, где фигуры изображены, в двух почти саженьях от воды есть. На него, ежели хорошенько рассмотреть кто хочет, всходить не без трудности надобно. Место, на котором те фигуры изображены, в вышину около трех сажень. Близ сего с правой руки в равной высоте другое место, изображенное фигурами, с реки видится, в сажень вышины. Туды по расселинам между сими вышеписанными местами очень трудно всход. Сие место такожде, как и вышеозначенные места, фигурами изображено. На всех сих местах моралы, лоси, олени, лошади и ниже рыбы и люди вырезаны. В нижних местах оное изображение почти все попорчено, а инде иные новые фигуры изображены. На верхнем понеже туды взойти не всякому можно было. Сих фигур понеже ночью рассмотреть невозможно было, до утра стоять там от господина доктора приказ отдан. Он поутру вышеописанное рассмотрел, с оного камня проект снять и фигуры рисовать велел“. Замечательно для того времени и внимание, которое Крашенинников уделил технике исполнения томских петроглифов, а также характеру самой поверхности скалы. Рисунки, по его словам, выполнены „резбой“, причем „резба она такая худая, что всякий человек, хотя мало резному делу искусен, несравненно лутче вырезать может“. И далее Крашенинников высказывает мысль, что черный цвет скалы (скальный „загар“), на который не раз обращалось внимание

Рисунок Томской
писаницы, опубликованный
Ф. И. Страленбергом
в 1730 г.

и позднейшими наблюдателями, вызван ритуальными соображениями, а само это местонахождение служило святилищем древних обитателей Томи,— мысль, вполне соответствующая и современным представлениям о ритуальном назначении писаниц. „Однако оттого что сей камень в тех местах, где те личины вырезаны, стесан и весь черною краскою вымазан, можно признать древних язычников, которые в тех местах прежде жили, и было мольбище“¹¹. Томская писаница была описана также другими участниками экспедиции — И. Г. Гмелиным¹² и Г. Ф. Миллером¹³. Интерес участни-

ков академической экспедиции к Томской писанице не случаен: отправившись в Сибирь, они уже были знакомы с книгой Страленберга и содержащимися в ней сведениями. Миллеру, как он сам об этом пишет, скалы видеть не пришлось. Но по его просьбе, скалы на Томи и Енисее описал спутник по путешествию и друг Миллера — Гмелин, который позаботился о том, чтобы были сделаны рисунки Томской писаницы¹⁴. Запись Гмелина и рисунки художника Люрсениуса были использованы потом Миллером¹⁵. Сам по себе рисунок очень интересен. На нем изображена вся скала с нанесенными рисунками и окружающее ее пространство: вытекающая из-за скалы речушка Писанай, небольшая деревня и лес. На вершине скалы видны отдельные деревья. Если рисунок Страленберга передает только изображения и не дает никакого представления в целом о скале, то рисунок, опубликованный Миллером, наоборот, показывает всю скалу с ее окружением. Но при этом выбитые на скале изображения почти совсем не видны. Описание памятника выглядит у Миллера наиболее полно, несмотря на то, что сам он не видел в писаницах ценных памятников и без особой охоты брался за их описание. Он считал их „малополезными“, но вместе с тем понимал, что и молчать о них нельзя, напротив „необходимо удовлетворить любознательность людей“¹⁶. Ему в Сибири были известны многие писаницы, и его широкая осведомленность позволила правильно разобраться в этих памятниках и показать, что Страленберг ошибался, видя в них настоящие письма древних народов. Миллер впервые отметил, что писаницы встречаются по всей Сибири, в местностях, „весьма далеко отстоящих один от другого“. Но, по мнению Миллера, из этого не следует, что все они своим происхождением обязаны одному народу. „Где мы отыщем такой многочисленный народ,— пишет он,— владевший всей Сибирью и по ней проходивший? Пришлось бы остановиться на монголах и татарах. Но они имели уже свои письма и были знакомы с разными искусствами, так что трудно понять, почему они тут вздумали прибегнуть к столь

грубому изображению фигур¹⁷. Миллер ошибочно считал писаницы очень поздними и относился к ним с некоторой иронией. Он думал, что в писаницах нет никакого признака древности, и не мог понять причины, почему они должны быть приписаны первым „обладателям этого края, а не нынешним его обитателям“.

Высказавшись за их позднее происхождение, Миллер тем не менее первым предположил их культовое назначение. Описание Томской писаницы среди других начертаний занимает у Миллера почетное место. Им составлено самое подробное из всех имевшихся до сих пор описаний этого памятника. „Скала, которая по высеченным на ней фигурам называется русскими Писаным Камнем,— писал он,— расположена на восточном берегу реки Томи, в 16 верстах ниже Верхне-Томского острога: очень близко от нее в Томь впадает речка, при устье которой стоит деревня, не обитаемая русскими: обе (и речка и деревня) имеют от скалы название Писаных.

Скала, на которой изображены фигуры вышиною около десяти саженей, обращена лицом к реке. Она состоит из какого-то ломкого камня тальковой породы, внутри зеленоватой, снаружи грязноватой, которую многократно пересекают поперечные жилы другого, более мягкого камня. Самая нижняя часть скалы, покрытая изображениями, возвышается над поверхностью реки приблизительно на две сажени и имеет внизу некоторые выступы, соприкасающиеся с рекой, взобравшись на которые не без труда можно прекрасно видеть главную часть фигур. Фигуры выступают как бы на одной доске вверх сажени на три, причем среднее пространство занимает одна из выше-названных жилок, идущая горизонтально. Вблизи, направо, на таком же расстоянии от реки видна другая группа фигур, имеющая только треть вышины предыдущих и вместе с ними простирающаяся на семь саженей в ширину. Отсюда по трещинам между обеими передними частями Писаной скалы есть очень трудный проход к более отдаленному углу верхней части, который совершенно таким же образом украшен фигурами и обращен также к югу“¹⁸. Справедливости ради заметим, что Миллер совершенно точно описывает размещение покрытых рисунками скал, место отдельных камней и путь к верхним камням, все трудности которого пришлось испытать и нам.

Миллер, так же как до него Страленберг, указывает на большое количество рисунков, не сохранившихся до наших дней. Внимание Миллера среди прочих рисунков привлекла фигура человека внизу на камне, „у которого голова окружена лучами“, и фигура человека со стадом животных, „привязанных одно к другому“. Миллер упоминает также об изображениях лошадей. Нами же не обнаружено ни одного рисунка лошади. Вполне возможно, что за лошадей были приняты изображения других животных — лосей. Сведения Миллера стали исторической ценностью для исследователей уже спустя сто лет. Много времени прошло с тех пор. Скала разрушилась, и с ее поверхности исчезли многие рисунки, известные Страленбергу и Миллеру. На рисунке, приведенном Миллером, видно, что вся нижняя часть скалы была сплошь покрыта изображениями, здесь их было так много, как и наверху. А сейчас их на нижней части камня, к сожалению, насчитывается не больше десяти.

Особенно ценным является сообщение Страленберга и Миллера о примечательной фигуре человека, голова которого окружена лучами. По мнению И. Т. Савенкова, „среди начертаний краскою на Енисее не встречалось такого“; фигура человека с головой, окруженной лучами, напоминает ему двух идолов из Перми и из Туровска (Галич Костромской), на головах которых сохранились следы лучей¹⁹. Савенков обратил на это внимание не случайно: в XIX в. ученым, посещавшим памятник, не суждено было видеть этот ценный рисунок — в то время он был уже уничтожен.

Оказывается, на Томской писанице были не только человеческие фигуры, но и изображения рыбы, „какой нигде больше не удавалось встречать“, как утверждал Миллер²⁰. Но он был неправ: изображения различных рыб в небольших количествах присутствуют на многих скалах; они есть на берегах Онежского озера и Белого моря, на берегах Ангары²¹.

Подводя итоги своей работы по истории Сибири в известной инструкции, составленной для И. Э. Фишера, Г. Ф. Миллер, сообщая ему о писаных скалах в Сибири, указал, что сюда относятся и изображения людей и животных на естественных скалах по берегам некоторых рек, как, например, на Томи, между Томском и Кузнецком, на Енисее ниже Красноярска и в других местах²². Из этой инструкции видно, что Миллер придавал все же большое значение писаным камням, хотя и не считал их произведениями древнего искусства.

Не оставил без внимания в своих трудах Томскую писаницу и другой участник Великой Сибирской экспедиции — И. Г. Гмелин. Основной его задачей было изучение флоры Сибири, но помимо своей основной задачи он тоже вел дневник путешествия академиком по Сибири, который он сам считал продолжением дела, начатого еще Мессершмидтом²³. Записи Гмелина — это калейдоскоп дорожных впечатлений. Наряду с описанием сибирских ярмарок, заводов, городского быта они содержат сведения о сибирской археологии: древних могилах, бугровщиках, разрывавших их и добывавших „могильное золото“, и писаницах. Описание Писаного камня на Томи у него не занимает много места и не содержит ничего нового²⁴. Очевидно, свои новые записи о Томской писанице он передал Миллеру, как об этом писал и сам Миллер.

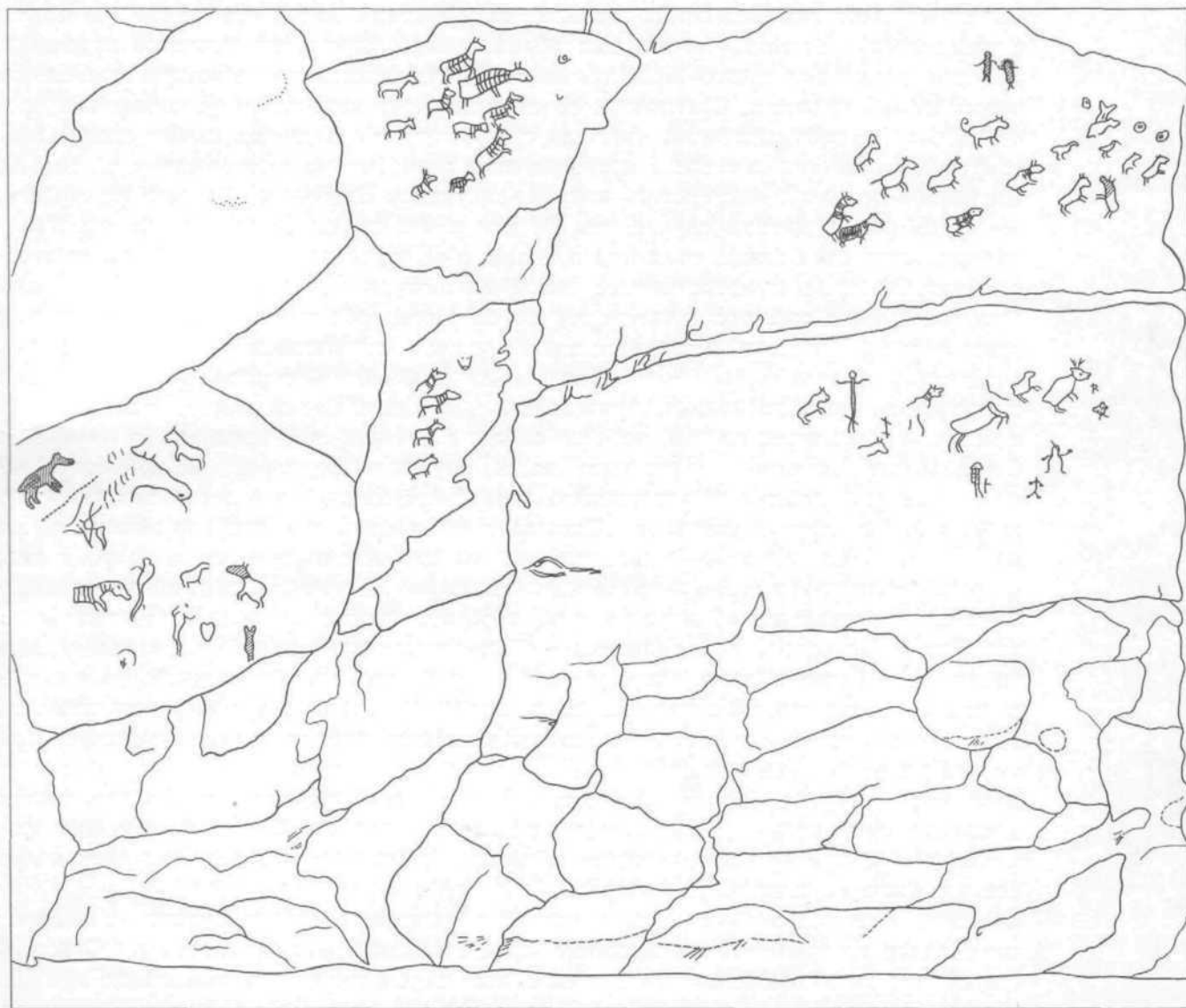
В 1771 г. Западную Сибирь обследовал другой академический отряд, руководимый И. П. Фальком. Маршрут его путешествия лежал через Барнаул — Кузнецк — Томск. Фальк сам видел и с точностью описал Томскую писаницу. Интересно его упоминание о том, что рисунок Писаного камня на Томи он видел в Кузнецкой канцелярии. О писанице в целом он пишет как о памятнике „прежнего населения и их незрелого вкуса в рисовании“²⁵.

У всех, кто так или иначе сталкивался с писаницами Сибири, неизменно возникали вопросы: каково назначение этих древних начертаний и к какому времени они относятся? Восемнадцатый век породил живой и неиссякаемый интерес к широко известному уже тогда памятнику на берегу Томи. Ученые, видевшие эту скалу, описали ее местонахождение, размеры, из какого материала она состоит и даже какими приемами нанесены рисунки. Некоторые из них, как, например, Страленберг и Миллер, попытались описать изображения и приложить к описанию зарисовку скалы. Сейчас, спустя более двухсот лет, эти рисунки стали таким же ценным историческим материалом, как и сама скала. И в XIX в. ученые по-прежнему настойчиво стремились разгадать загадку памятника. Одни из них, стараясь понять его сущность, неизменно возвеличивали его значение, видя в археологических памятниках предметы более высокой культуры, чем современная; другие, наоборот, сетовали на примитивизм и пренебрежительно относились к писаницам; третьи же были охвачены заботой об их сохранении. Например, К. Риттер в своей книге „Землеведение Азии“ писал о петроглифах: „В то время как в других странах каждая малейшая скала определяется астрономически и вносится в сокровищницу науки как приобретение для будущих веков, здесь посреди Азиатского материка, в странах, превосходящих величиною европейские королевства, погибают важнейшие открытия, увеличивая тем самым невежество о происхождении и умножая трудности и заблуждения в будущем“²⁶.

В XIX в. многие ученые были у подножия Писаных скал на Томи. Наиболее серьезным исследователем Томской писаницы в XIX в. был Г. Спасский. Сибирские писаницы он рассматривал в тесной связи с другими археологическими памятниками: курганами, рудниками, городищами. В них он видел памятники высокой древней цивилизации. Они его настолько увлекли и пленили, что Спасский пришел к распространенному тогда выводу, что прежние обитатели Сибири стояли на гораздо более высокой ступени развития культуры и образования сравнительно с нынешними ее племенами. Весьма любопытна его мысль о том, что древнейшие памятники истории Сибири, в том числе и писаницы, находят много общего со славянскими древностями²⁷. Томскую писаницу он рассматривает в разных аспектах, останавливаясь даже на ее расположении

Рисунок Томской писаницы
Г. Спасского 1831 г.

и геологической структуре камня. Вот что он пишет о ее расположении: „Утесистый правый берег р. Томи, на котором они изображены, лежит между Кузнецком и Томском и состоит из зеленоватого глинистого сланца, смешанного с кварцем. По начертаниям он и слывет Писаным камнем; речка, впадающая в Томь, названа Писаною, и то же имя носит близлежащая деревня. Утес простирается в длину на 150 саженей, начиная от устья речки, вниз по течению Томи. Начертания находятся только при окончании утеса, вверх по Томи, на отдельных отвесных камнях, в пяти близких

одно от другого местях. Самые нижние от 3 и до 6,5 саженей от воды, а верхние от 3,5 до 5 саженей от возвышающейся над ними скалы. До первых добраться очень легко и с выдавшегося под ними на полсажени уступа удобно было их первоначально высекать, а теперь рассматривать, но для обработки последних по отвесной высоте скалы необходимо было им снизу взбираться на подмостках или с вершины с немалой опасностью спускаться на веревке. Начертания состоят из грубых очерков людей и местных животных, как то: лошадей, оленей, диких коз, медведя, собаки, птиц, похожих

на журавлей, и символических знаков или других неопределенных предметов"²⁸. Спасский оставил нам тщательно выполненный рисунок Писаного камня, на котором с чертежной точностью нарисована скала с разнообразными ее выступами и поверхностями, передано общее размещение рисунков. Чертеж Томской писаницы, сделанный Спасским в 1831 г., был выполнен в масштабе, фигуры уменьшались на нем в пять раз. Однако и этот графически точный чертеж самой скалы не дает полного и правильного представления о рисунках, то есть о содержании этого интересного памятника. Рисунки сделаны от руки, произвольно. Совершенно ясно, что такой прием искажает художественную ценность древних изображений. Мы не знаем, кто делал Спасскому этот рисунок, знаем только, что Спасский делал его не сам, но можем с уверенностью сказать, что это был великолепный чертежник и плохой художник: рисунки у него получились лишенными своей художественной ценности, свежести и первозданной прелести. Сравнив их со снятыми нами копиями и фотографиями произведений Томской писаницы, читатель сразу почувствует в них слабое подражание тому, что нарисовано на скале. В произведениях первобытных художников куда больше жизненной правды и мастерства, чем на рисунке у Спасского. Как это ни странно, но художника в данном случае, так же как и его предшественников, интересовала прежде всего сама скала, памятник в целом, а не отдельные сюжеты и древние изображения, которые и представляют собой настоящую ценность. Пожалуй, главной заслугой труда Спасского является то, что он рассмотрел рисунки Томской писаницы в историческом аспекте, постарался связать их с конкретным народом и сравнить с писаницами нашего европейского Севера, Скандинавии и Северной Америки, а также с рисунками этого памятника, приведенными в книге Страленберга. Побудило его к этому, как отмечает он сам, то, что за сто с лишним лет, прошедших со времен Страленберга, „многие фигуры изгладились, другие повредились“. Во времена Спасского уже не было, как он утверждает, символических знаков в левом нижнем углу, рыбы и многих других рисунков. „Если на страленберговском рисунке отчасти те же животные, какие на моем,— пишет он,— то вообще они отличаются в подробностях очерков (контуров) и своем направлении. Некоторых из очерков, показанных Страленбергом, не достает на моем рисунке и, обратно, многих из представленных мною нет у него, вероятно, по невниманию к ним рисовальщика. Символические знаки, помещенные Страленбергом в левом углу его рисунка, едва ли когда-нибудь и существовали, потому что, судя по форме камня под изображенными тут очерками, кажется, не оставалось для них и места, а стесывать их для замены новыми очерками было бы совершенной нелепостью“²⁹.

Неточность рисунка Страленберга доказывается, между прочим, и тем, что, спустя много лет после него—в 1734 г., Гмелин видел еще в числе нижних начертаний изображение рыбы, а в верхних—связанных между собою зверей, ведомых человеком. Все это было упущено Страленбергом.

Спасский поставил в общем плане вопрос о времени создания писаниц. Известно, что Миллер не признавал их древнего происхождения. В противовес ему Спасский считал, что писаницы относятся к эпохам, если не самым отдаленным, то, по крайней мере, предшествовавшим покорению Сибири. Его интересовало и назначение рисунков. По этому поводу он писал: „Удивляя нас самобытным, необычайным воспроизведением своим, они в то же время для суеверных туземцев служат одни — предметами обожания, другие — боязни, как дело злых духов“³⁰.

Исследователей сибирских писаниц всегда интересовала заманчивая идея сравнения их с рисунками других территорий. Спасский и его современники правильно подметили сходство рисунков Томской писаницы с подобными очертаниями на Онежском озере, с которыми рисунки Томской писаницы имеют определенное сходство. Однако к идее сходства Спасский подходил формально, не всегда учитывая различия в развитии народов или, наоборот, общность их происхождения и взглядов. Поэтому ри-

сунки на Томи, по его мнению, имеют „величайшее сходство с рисунками, открытыми Гумбольдтом на американских скалах“³¹.

Спасский видел в рисунках животных, людей и особенно загадочных знаках если не письма, так как о письменности он пишет отдельно, то, во всяком случае, начертания, передающие конкретную мысль. В связи с этим он ставит вопрос: „Что же был за народ, изъяснявшийся таким необыкновенным языком, живший на берегах Енисея, Томи и Онежского озера?“ Он не без основания считал, что создателем писаниц должен быть какой-то один большой народ, живший одновременно в Европе и в Азии или проходивший когда-то по просторам этих двух континентов. Естественно, что его мысль остановилась на гуннах. В своем выводе он опирается на сведения римских историков, на которых кочевники гунны в свое время наводили неопределяемый страх. По свидетельству этих же историков, гунны не умели ни читать, ни писать и даже „с трудом объяснялись на природном своем языке“. Поэтому они везде, где жили, „прибегали к вещественному, или олицетворительному, способу изъяснения мыслей и преданий, хотя впоследствии его и оставили, быв во многих местах лишь мимоходом и живя постоянно только на побережьях Азовского моря и на Днепровских степях, где нет ни гор, ни скал удобных для произведения подобных начертаний“³².

Спасский взглянул на писаницы широко, подмеченное им сходство сюжетов на огромной территории Европы и Азии, как мы увидим далее, действительно убедительно и доказывает, как он писал, „неоспоримость единства человеческого рода и то, что древние племена и по разделении своем, одинаковой степени развития и образованности, внесли с собою в занятые ими новые места некоторые общие черты тогдашнего своего быта или, наконец, приобрели одинаковый взгляд на предметы, чрез взаимные сношения между собой, более тесные и плодотворные, чем в настоящее время“³³. Мнение Спасского, несмотря на некоторую его наивность с точки зрения современной науки, было в основе своей правильным и типичным для науки XIX в.

Уже тогда, в XIX в., сложилось несколько точек зрения на происхождение и характер сибирских писаниц. Одни считали их произведениями поздними по времени и не заслуживающими внимания, другие, наоборот, приписывали древним народам; часть ученых видела в них просто рисунки, лишённые смысла, но большинство признавало их смысловое назначение, а многие просто видели в них письма древних народов. Например, И. Клапрот представил в Парижском Азиатском обществе интересный доклад, в котором доказывал сходство сибирских начертаний с европейскими алфавитами. Он даже попытался найти греческие и славянские буквы в сибирских петроглифах. Интересно, что уже в начале нашего века от этой мысли не смог отказаться даже такой серьёзный исследователь, как И. Т. Савенков.

С возникновением общих взглядов, борьбой идей и стремлением к обобщениям не иссяк интерес к Томской писанице. Пожалуй, ни один обобщающий труд в XIX и начале XX в. по Сибири в целом, и древней ее истории в частности, не обошелся без внимания к Томской писанице. Ее подножие, как и двести лет назад, продолжают посещать ученые, участники разных экспедиций.

В 1876 г. в бассейн реки Оби была организована экспедиция, в которой принял участие знаменитый естествоиспытатель, автор „Жизни животных“, А. Брем. Основной целью путешествия было знакомство ученых с животным миром и растительностью Северной Азии. Несмотря на это, в своем труде „Путешествие в Западную Сибирь“ О. Финш и А. Брем пишут о Томской писанице. Они, как и все предыдущие путешественники, проделали уже известный нам путь от Барнаула до Кузнецка, а потом вдоль берега Томи до Томска, где они проезжали через красивые татарские деревни и русские поселки с большими домами, свидетельствующими о зажиточности населения. „Томь, тихо катящая свои грязные, желто-бурые воды,—довольно широка и внушительна, но не оживленна и не особенно привлекательна“,— писали путешественники³⁴. Они

ехали по правому берегу реки. В Усть-Сосновском остроге ожидал пристав, который должен был сопровождать их дальше, до Томска. Пока переменяли лошадей, пристав подробно рассказал им о Томской писанице. Этот рассказ был записан и вошел в упомянутый труд О. Финша и А. Брема.

В Сибири, на Алтае и в так называемой Киргизской степи ученые открывали все новые и новые писаницы. И почти каждый считал своим долгом сравнивать их с замечательными, уже давно известными писаницами на Томи и в верховьях Енисея. Последние уже в 1908 г. были в большинстве своем опубликованы И. Савенковым в фундаментальном труде „О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее“, где упоминается и о Томской писанице³⁵. Но этим значение труда Савенкова не исчерпывается: он не только описал массу рисунков, но и изложил свое отношение к произведениям древнего искусства. И хотя в его работе содержится ошибочный взгляд из-за стремления автора найти в знаках символы письма, тем не менее эта работа была первым фундаментальным трудом о писаницах Сибири.

Савенков первый доказал, что петроглифы в Сибири очень древние и относятся к концу переходной от камня к меди эпохи и началу железного века; попытался распределить их по хронологическим этапам. Его интересовала, естественно, и семантика этого своеобразного искусства. В писаницах он видел памятники религиозного назначения, но со свойственной ему конкретизацией он представлял их конкретными атрибутами религиозной практики. Немалое место в его труде занимает описание истории исследования Томской писаницы, сравнение сведений Страленберга, Миллера, Гмелина, Спасского и других ее исследователей.

Оказывается, у подножия Томской писаницы в конце XIX в. были и финские ученые Кастрен и Аспелин, которые проводили в Западной Сибири научные экспедиции с целью поисков прародины финно-угорских народов. В решении этой проблемы они большое значение придавали археологическим материалам, в том числе и писаницам. В начале нашего века наблюдается тяготение к обобщающим работам о сибирских писаницах. Полный свод всех писаниц с историей их исследования, старыми рисунками и новыми фотографиями 1913 г. хотел издать Н. Гуляев. В одной из своих научных статей он обратился к ученым с патетическими словами: „Спешите, господа любители-археологи, скорее спешите подробнее осмотреть писаницы, заснять своими фотографическими аппаратами этот пока уцелевший памятник старины глубокой, не дайте им погибнуть для науки или быть испорченными позднейшими начертаниями лиц, желающих себя увековечить своими фамилиями, как это, как я слышал, проделывается разными туристами на писаном камне на реке Томи“³⁶.

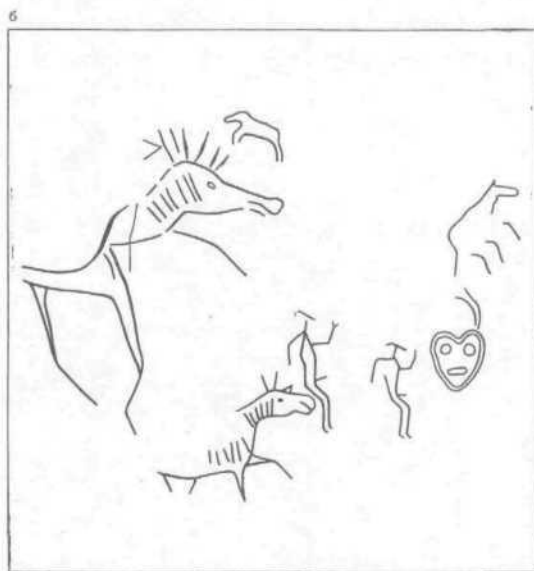
Стало быть, уже в начале нашего века сохранность Томской писаницы вызывает серьезную тревогу. Расположенная на бойкой дороге, соединяющей Томск и Кузнецк, она разрушалась очень быстро. Еще в XIX в. исчезли с ее поверхности многие рисунки, которые наблюдали Страленберг, а за ним Гмелин. Уже в начале XX в. она в большинстве своем оказалась покрытой различными надписями, а многие ее древние рисунки были испорчены безжалостной рукой невежественных людей.

Серьезным и благородным делом сохранения памятника потомкам занимались многие исследователи. В начале XX века много внимания Томской писанице уделял Н. Овчинников, написавший обширную статью под названием „О писаных камнях в Томском уезде“³⁷. Ему принадлежит наиболее полное описание памятника, а опубликованные Овчинниковым отдельные рисунки и группы изображений достаточно точны. Оказывается, точность была достигнута с помощью фотографии. Они были сначала сфотографированы, как об этом пишет сам Овчинников, фотографом Б. М. Быковым, а потом скопированы с фотографий. Это и обеспечило им научную достоверность, чего никак не могли добиться не знавшие фотоаппарата его предшественники. Воздав должное их авторам, впервые показавшим настоящие древние рисунки, тем не менее надо отметить, что объектом их съемки были не все рисунки, а только нижние изображе-

Рисунки Томской
области, опубликованные
Овчинниковым в 1910 г.

ния. Верхний же камень, где находится более двух третей всех рисунков, в большинстве своем хорошо сохранившихся, оказался для них недоступным.

На таблицах Овчинников воспроизвел самые яркие и не требующие реставрации рисунки. Фактически же это только отдельные фрагменты с камней. Например, на одном из рисунков мы видим семь изображений лося: три — в верхнем правом углу и четыре — в левой половине снимка. Они приведены в таблицах далеко не законченными. Нет ни одной фигуры, очерченной полностью. Осмотр рисунков на камне

убеждает, однако, что сам Овчинников не виноват в этом. Несомненно, рисунки с течением времени сильно выветрились, а фотоаппарат не в состоянии был воспроизвести рисунок полностью.

Кроме изображений лося на поверхности камня Овчинниковым были замечены три изображения человеческих фигур мужского пола, „так как признак последнего выражен совершенно ясно“, как об этом пишет автор. Судя по положению прочерченных линий, изображающих руки, можно полагать, что художник изобразил здесь человека в тот момент, когда он натянул или только что выпустил тетиву лука. Поэтому общий смысл всех рисунков Овчинников трактовал как изображение сцены охоты.

Во второй его таблице воспроизведены некоторые из рисунков таблицы первой. Изображение человеческого лица здесь видно гораздо ясней. Почти полностью сохранилось и дошло до нас изображение лося с ветвистыми рогами, воспроизведенное на третьей таблице. Здесь выкрошилась только небольшая часть в середине самого крупного рисунка. На той же таблице видны остатки еще двух изображений лосей и одно слабо намеченное изображение человеческого лица. Кроме того, в этой части скалы Овчинниковым замечены следы еще каких-то рисунков. Сначала он принял их за щели и углубления на камне, образовавшиеся в результате выветривания, но ближайшее рассмотрение их показало, что часть этих пятен нанесена рукой человека. Они сохранились частично и сейчас, но рассмотрение их требует больших усилий.

Овчинников впервые заинтересовался техникой нанесения рисунков и указал, что большая часть их „состоит из контуров“, вырезанных глубокими, высеченными на камне бороздками. На некоторых рисунках такими же бороздками частично намечены ребра у животных. Но фотография не могла передать еще одной детали — разделки некоторых частей рисунка мелкой насечкой. Такой насечкой — мелкими штрихами — заполнены обычно контуры голов животных. Овчинников был плохо знаком с лите-

Усть-Искитимская
писаница
по Н. Овчинникову

ратурой о Томской писанице и ошибочно считал, что рисунки ее раньше нигде не публиковались. Это обстоятельство сыграло в некотором роде даже положительную роль. Он был свободен от влияния своих предшественников и попытался найти на Томи другие места с древними рисунками. Поэтому настоящая заслуга Овчинникова, пожалуй, не в том, что он описал уже давно известную Томскую писаницу и опубликовал более или менее точно некоторые ее рисунки, а в том, что он открыл еще одну писаницу, о существовании которой до него никто не знал.

Летом 1906 г. Овчинникову пришлось быть в окрестностях деревни Поломошной Томского уезда. Герстах в трех от этой деревни, по направлению к югу, Томь делает поворот к северу, меняя свое западное направление. Почти против самого поворота, на левом берегу Томи, находится небольшая деревня Усть-Искитим. Против этой деревни правый берег изрезан множеством довольно глубоких оврагов и в общем очень высок, крут, скалист и состоит из той же породы, которая образует берег Томи в окрестностях деревни Писаной. Вот как сам он описывает это открытие: „Задумав добыть несколько гнезд, — пишет Овчинников, — я стал карабкаться на камни. При этом среди камней и скал я увидел гладкую поверхность, на которой уже издали можно было заметить штрихи, напоминающие писанные камни. Через несколько дней мною были сделаны снимки общего вида берега, где находится разрисованная скала. На всей плоскости нанесено пять изображений — три лося и два медведя. Лучше других сохранились два нижних рисунка, от других же имеются только остатки. Это обстоятельство обусловлено, очевидно, положением плоскости, ничем не защищенной от действия преобладающих здесь юго-западных ветров; поэтому-то здесь процесс выветривания и выкрашивания породы совершался энергичнее, чем на укрытых от ветра камнях близ д. Писаной“³⁸.

Интересно, что и после опубликования сведений Овчинникова об этой писанице никто больше не упоминал, хотя после этого вышло достаточно много работ, касающихся Томской писаницы. Сведения Овчинникова были опубликованы в местном, ставшем, видимо, сразу же библиографической редкостью издании, и, только что открытые, они вновь оказались забытыми.

Томская писаница заняла достойное место и в монографических изданиях по России. Она описывается в одном из томов „России“³⁹ и первых советских монографических изданиях о Сибири — в „Очерке истории Сибири“ В. И. Огородникова⁴⁰, „Сибирской

Советской Энциклопедии⁴¹, где помещен великолепный снимок Томской писаницы, и в целом ряде книг и отдельных статей⁴².

Если собрать воедино все, что опубликовано почти за триста лет исследования Томской писаницы, то получится интересная картина. Оказывается, эта небольшая скала на протяжении сотен лет постоянно привлекала внимание исследователей своей оригинальностью, своими нераскрытыми тайнами. Такой неиссякаемый интерес объясняется в основном двумя причинами. Во-первых, Томская писаница очень рано, на заре русской науки, стала известна всему миру. Во-вторых, она очень удачно расположена совсем недалеко от того места, где проходила в древности проложенная по тропам землепроходцев дорога через всю Сибирь, так называемый Сибирский тракт. Естественно, что каждый путешественник считал своим долгом посетить этот замечательный памятник. И, тем не менее, как-то так получилось, что, несмотря на обилие статей, посвященных писанице, многочисленные упоминания и даже публикации рисунков, сам по себе этот памятник первобытного искусства, тем не менее, остался по сути дела неопубликованным, самое ценное — рисунки, созданные художественными навыками наших далеких предков, оставались не скопированными полностью, а их смысловая сторона — не раскрытой. Восполнить в меру возможностей этот пробел и было задачей нашей экспедиции. При этом, как уже говорилось выше, были обнаружены и другие столь же интересные наскальные изображения на Томи, которые также публикуются в этой книге.